

ДЕМАРКАЦИЯ НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН: РАЗДЕЛЕНИЕ ИЛИ ИНТЕГРАЦИЯ?*

Сахарова Анна Владимировна – кандидат филологических наук, исследователь. Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Российская Федерация, 105062, г. Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2, комн. 2; e-mail: hanna.lazareva@gmail.com

В статье – реплике на работу А.Ю. Антоновского «Виды природы и коммуникативные измерения дисциплинарной дифференциации» – ставится под сомнение базовая предпосылка автора стартовой для дискуссии статьи о возможности анализа некоторой «целой» науки, которая, как предполагается, может быть разделена на дисциплины по коммуникативным критериям. Приводятся аргументы о невозможности «разрезания науки на части» и предлагается концепция, основанная на первичности выделения дисциплин перед демаркацией науки. Коммуникативная методология, предложенная автором стартовой статьи, в этом случае оказывается хорошо применима к анализу отдельных дисциплин, но не к проведению границ между ними. Отдельно описано следующее из предложенного нами подхода понимание объекта исследования на основе базовых предпосылок дисциплины. Также высказаны гипотезы об особой роли субъекта науки в определении границ своей предметной области. В частности, решающую роль при описании границ дисциплины предлагается отвести лежащим в ее основе установкам, теориям и методологиям, формирующим объект исследования дисциплины и критерии истинности исследования. Описание этих факторов оказывается доступным исследователю, принадлежащему изучаемой предметной области. В связи с этим важную роль при описании границ дисциплины мы предлагаем отвести самим ученым, которые, реализуя свое право на самоопределение, сами обозначают границы своей науки.

Ключевые слова: таксономии, научные дисциплины, эпистемология, коммуникативная теория, научная коммуникация

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках гранта № 24-18-00183 «Таксономии в онтологических, методологических и дисциплинарных структурах науки» (<https://rscf.ru/project/24-18-00183/>) в МРОО «Русское общество истории и философии науки». The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of grant 24-18-00183 “Taxonomies in the ontological, methodological and disciplinary structures of science” (<https://rscf.ru/project/24-18-00183/>) in Inter-Regional Non-Government Organization “Russian Society of History and Philosophy of Science”.

DEMARCATIION OF SCIENTIFIC DISCIPLINES: SEPARATION OR INTEGRATION?

Anna V. Sakharova –
PhD in Philology, Researcher.
Inter-regional
Non-Governmental
Organization “Russian Society
of History and Philosophy
of Science”.
1/36 Lyalin Lane, Moscow
105062, Russian Federation;
e-mail: hanna.lazareva@
gmail.com

This response article to A.Yu. Antonovsky and T.D. Sokolova's work, “Types of Nature and Communicative Dimensions of Disciplinary Differentiation”, challenges the foundational assumption of their article that it is possible to analyze science as a “whole” entity, which can then be divided into separate disciplines based on communicative criteria. The response argues that science cannot be neatly “cut into parts” and instead proposes an alternative concept that prioritizes the autonomy of individual disciplines before attempting to delineate boundaries between science and non-science. While the communicative methodology introduced in the original article is acknowledged as useful for analyzing individual disciplines, it is deemed less effective for defining boundaries between them. The response outlines several key approaches: understanding the object of research through the fundamental principles of a discipline and hypothesizing about the specific role of the subject matter in shaping the scope of the discipline. It is argued that the boundaries of a discipline are primarily determined by the underlying attitudes, theories, and methodologies that define its research object and establish criteria for truth within that field. These elements are accessible primarily to researchers within the discipline itself. In this context, the response emphasizes the importance of granting scientists themselves a central role in defining the boundaries of their discipline. By exercising their right to self-determination, researchers can actively shape and delineate the contours of their field.

Keywords: taxonomies, scientific disciplines, epistemology, communication theory, scientific communication, science communication

А.Ю. Антоновский в статье «Виды природы и коммуникативные измерения дисциплинарной дифференциации» в качестве решения проблемы демаркации научных дисциплин предлагает коммуникативную концепцию. Представленная автором методология анализа, включающая темпоральный, предметный и социальный аспекты, на наш взгляд, достаточно хорошо продумана и может быть использована для анализа характеристик отдельных дисциплин, но вряд ли может быть достаточной для деления «единой» науки на дисциплины. Более того, мы выражаем сомнение, что любое нисходящее деление (основанное и на реалистических принципах, и на коммуникативных) может быть оценено как произвольное и субъективное. Аргументы автора, спорящие с реалистической интерпретацией разделения видов, кажутся нам рациональными и уместными. Однако эта же логика и аргументация, если мы ее перенесем с реалистического описания объектов природы на коммуникативное описание науки, может опровергнуть и предлагаемое самим автором разделение дисциплин на основании коммуникативных критериев. Парадоксально,

но получается, что автор, оспаривая реалистический подход, этими же аргументами может опровергнуть и свою коммуникативную концепцию.

Возможность «нисходящего» направления демаркации научных дисциплин

В основе исследования А.Ю. Антоновского лежит тезис, что существует некая цельная наука, которая разделяется на дисциплины по различным критериям. Однако, какие бы критерии мы ни выбрали, выбор пределов для разрывов между дисциплинами останется неочевиден. Рассмотрим аргументы автора исходной статьи, говорящие о невозможности объективного разделения видов природы, в приложении к коммуникативному подходу и его трем измерениям – темпоральному, предметному и социальному.

Первый аргумент связан с тем, что природа демонстрирует множество разрывов однородности, и совершенно не очевидно, как именно мы должны провести размежевание дисциплин. Приведем в пример физику. С точки зрения темпоральной не очень понятно, как ответить на вопрос, будет ли физикой физика Аристотеля или более «медленные» (в терминологии А.Ю. Антоновского) сферы физики, такие как механика. Возможность обозначения границ по социальному критерию также неочевидна, ведь физическое сообщество очень неоднородно и представители одних направлений физики не могут оценить работы коллег из другой сферы. Например, концептуальные рамки научных программ радиофизиков и физиков-материаловедов фактически не пересекаются, что делает невозможной представителям каждого из этих направлений оценить результаты другого. Внутри одной субдисциплины также могут быть представители конкурирующих теорий, которые могут по-разному оценивать работы оппонентов. Раздробленность научного сообщества не позволяет с однозначностью выстроить границы дисциплин по социальному критерию. У автора исходной статьи указано, что дробление дисциплин – нормальный процесс, но не выявлено явно, как определялась изначальная целостность, до дробления. С точки зрения предметности, даже понимаемой коммуникативно, мы возвращаемся к тому же вопросу о границах предметных сфер. Пусть в этом случае предметные области конструируются в результате коммуникации, однако принципы выделения границ также оказываются неясны.

Второй аргумент касался разрешающей способности наблюдения. В случае рассмотрения социального объекта – дисциплин – она может коррелировать с развитием теоретической базы. Изменение критериев выделения науки в философии науки в чем-то аналогично

развитию исследовательской оптики в естественных науках. У приверженцев логического позитивизма границы науки будут проходить совсем не там же, где их проведут исследователи, опирающиеся на принцип фальсификации. Здесь еще важно указать, что философы науки могут исследовать какую-либо одну дисциплину, что, по-видимому, может влиять и на их вариант дифференциации других дисциплин.

Если же при помощи коммуникативных критериев попытаться выделить более крупные группы наук – мягкие и жесткие, фундаментальные и прикладные, то мы опять столкнемся со сложностями. Предел классификации здесь также не может быть установлен: коммуникативное различение дисциплин мы можем проводить до последней науки. Более того, некоторые науки даже придется «разрезать» на несколько частей, отнеся, например, компьютерную лингвистику к жестким наукам, а социолингвистику – к мягким. При этом когнитивную лингвистику придется, по-видимому, делить пополам, а лингвистическая семантика с ее использованием языка логики вообще займет некоторую промежуточную позицию. Причем вероятно, что такой составной характер будет иметь большинство наук: «...междисциплинарное (не предполагающее при этом жестких границ каждой вовлеченной дисциплины) взаимодействие есть естественное состояние науки» [Касавин, 2004, с. 7]. Темпоральная неопределенность, предложенная в качестве критерия, также не кажется нам принципом, который может обозначить границы: если для фундаментальных исследований характерны неопределенные сроки для получения результата, это совсем не значит, что они не могут получать «проектное» финансирование (в наших реалиях, например, некоторое время назад в Российском фонде *фундаментальных исследований*). И вполне возможно, что результаты фундаментальной дисциплины неожиданно «сыграют» в каком-либо прикладном аспекте, как, например, исследования атома.

«Восходящее» направление демаркации научных дисциплин

Неопределенность такого «разрезания на части», на наш взгляд, непреодолима в онтологии, предполагающей выделение целой науки и разделение ее на дисциплины. Мы предлагаем следующий вариант выделения и дифференциации дисциплин, который, как нам кажется, позволит избежать этого парадокса (впрочем, вероятно, привести к другим).

Возможно, если мы хотим разобраться в логике выделения научных дисциплин, нам нужно отказаться от возможности определить

границы науки целиком и предположить первичность научной дисциплины перед наукой в целом. Различные дисциплины могут быть выделены на основании внутренних критериев: на основании аксиом, теорий, методов и объекта, которые конструируются внутри дисциплины. Они конструируют свой объект на языке своей дисциплины, причем выбору объекта для реферирования предшествует часто неосознаваемый ученым выбор предпосылок, языка описания, той или иной теории – основания для классификации. Предпосылки, предшествующие выбору объекта и влияющие на него, конструируются наукой на непроясненных внутри научной дисциплины основаниях: «Наука по определению – предпосылочное знание, т.е. всегда содержит в себе некоторые основания, которые не обосновываются в ней самой. Эта предпосылочность касается... сущности научных предметов, поскольку в самой науке подлежит не обсуждению, а изначальному принятию в качестве сущего то, что называется научной предметностью (химическое в химии, физическое в физике, “чет/нечет” в геометрии)» [Шиповалова, 2011, с. 98]. То есть в основе реконструкции в этом случае лежит комплекс методологических и теоретических предпосылок, позволяющих сформировать язык науки для кодирования определенной предметной области.

В этом случае границы между дисциплинами лежат на границах действия базовых предпосылок, которые позволяют на языке дисциплины реферировать какую-то предметную область, что позволяет дисциплине оформиться как системе знания по своим собственным правилам, со своими способами описания мира, теориями, классификациями и терминологическими системами: «Разного рода отношения между дисциплинами, в том числе и выходящие за границы всякой дисциплины, – это в сущности отношения между системами знания, которые могут анализироваться в разных аспектах» [Касавин, 2010, с. 64].

Сопутствующим выводом из такого подхода может стать тот факт, что мы теперь имеем дело не с системой взаимосвязанных дисциплин (как предполагается при «разрезании» целой науки), а с множеством отдельных дисциплинарных явлений, которые могут быть не связаны между собой. То есть совершенно не очевидно, что в этом случае описание и определение границ науки как единой системы знаний возможно в принципе. Далее, принимая такую разрозненную картину науки, при помощи той же коммуникативной методологии можно исследовать «сращения» наук и образования междисциплинарных областей. Вероятно, наука в итоге так и не «срастется» в единое целое, но, возможно, мы сможем рассматривать область науки как несколько крупных агломераций с «неровными краями» и «семейным сходством» дисциплин.

Научные дисциплины в поисках объекта

Вернемся к тезису о невозможности определения границ видов и, соответственно, предметов и границ дисциплин. На наш взгляд, дело тут не в том, что научные дисциплины не могут выделить свой объект (на что указывает А.Ю. Антоновский), а в том, что они и не должны этого делать. Если мы осознаем невозможность непосредственного познания природы и рассматриваем науку как предпосылочное знание, то и предмет дисциплины не берется из природы, а конструируется на основании методов и подходов, свойственных дисциплине.

В этом случае предмет дисциплины понимается не как природный, а как эпистемологический объект – объект, конструируемый той или иной областью знания. Один и тот же объект будет по-разному закодирован и изучен представителями разных наук. Категориальное членение мира в этом случае производится на основаниях и на языке той или иной дисциплины. И результат этого членения должен отвечать внутренним дисциплинарным критериям истинности, при этом сохраняя связь с реальным объектом и в той или иной степени и с той или иной позиции отражая его свойства, вероятно, никогда не «схватывая» его целиком.

Объекты описания у разных научных дисциплин могут физически совпадать, но результаты исследования будут различными за счет различных теоретических и методологических установок. Например, металлы как объект исследования изучает физика твердого тела, и физика, и химия, и механика, и материаловедение. И они прекрасно делят этот объект, исходя из задач, методологий исследования и языка описания. Описание одного объекта – металлов при помощи химических формул, физических формул или материаловедческого моделирования формирует из одного физического объекта различные эпистемологические объекты. Дисциплинарные матрицы (картины мира) задают «системно-структурное видение предмета научного исследования и тем самым репрезентируют представления о том или ином типе системной организации изучаемых объектов» [Степин, 2009, с. 250].

Конечно, ученые, работающие в той или иной дисциплинарной рамке, исходят из того, что они изучают реально существующий предмет. Отсутствие такой установки лишает смысла их деятельность, хоть они и имеют дело с реальностью только в том виде, в котором им это позволяют теоретические и методологические установки дисциплины. Но значит ли это, что где-то в мире, непосредственный анализ которого нам недоступен, не существуют реальные природные виды? Мы можем предположить их существование гипотетически, сославшись на то, что несмотря на все «промежуточные

фильтры», которые находятся между нами и природой, мы можем ухватить какие-то черты реальности. Аргументами, поддерживающими реально существующую предметность, стоящую за множеством социальных и когнитивных надстроек, оказываются, в терминологии А.Ю. Антоновского, темпоральный и социальный. В темпоральном горизонте научные теории и классификации обладают предсказательной силой, а в социальном – могут быть эмпирически проверены и не зависят от культурных и исторических контекстов.

Научные дисциплины в поисках субъекта

Когда речь идет о коммуникативности, мы не можем не обратиться к вопросу о субъекте в различных науках. Демаркация дисциплин, базирующаяся на теоретических и методологических основаниях, оказывается доступной только изнутри каждой из дисциплин и предполагает наблюдателя, находящегося внутри научной области и определяющего ее границы. В этом случае мы говорим не о критериях различения отдельных областей науки с позиции извне (как делает А.Ю. Антоновский), а о критериях определения границ отдельной дисциплинарной области изнутри. В этой логике различение может провести человек, настолько погруженный в дисциплинарную область, чтобы осознавать методологические и теоретические основания конкретной дисциплины. В этом случае картина осмысления границ дисциплин дробится на различных акторов, каждый из которых говорит только об известной ему области.

Обоснование этого тезиса, как нам кажется, возможно в логике лингвистических исследований.

Лингвисты, выделяя различные языки и отделяя их от диалектов, используют различные критерии. Это и структурные (фонетические, морфологические, синтаксические и пр.), и социально-политические критерии (совпадения границ распространения языков/диалектов с границами стран и регионов, сферы использования языков). Однако решение о различии языка и диалекта основывается в том числе и на самоидентификации носителя языка. Если провести аналогию, то в случае выделения различных дисциплин важнейшим критерием станет самоидентификация ученого как физика, биолога или филолога, которая основывается на базовых, часто неосознаваемых основаниях и аксиоматиках научной дисциплины. И в идеальном мире эту свободу в определении границ своей дисциплинарной области мы должны оставить ученым.

В реальности, конечно, это не так. На границы дисциплин, проводимые изнутри науки, накладываются жесткие институциональные рамки [Касавин, 2004, с. 7]. И здесь могут быть интересны

случаи несовпадения нормативных институциональных рамок, задаваемых извне, и внутренней логики развития науки: об этой ситуации пишут авторы, говоря о дистинкции когнитивных/нормативных ожиданий.

Выводы

В статье-реплике на работу А.Ю. Антоновского мы, не оспаривая общий методологический коммуникативный подход, попытались критически рассмотреть базовые установки, которые связаны с разделением «цельного» поля науки на дисциплины. Как нам кажется, сама идея разрезания «целого» с неявно очерченными границами не может быть методологически реализована при помощи коммуникативных инструментов, предлагаемых автором.

В качестве альтернативы мы предлагаем изменить направление взгляда на дифференциацию научных дисциплин с нисходящего (от науки к дисциплинам) на восходящий (от дисциплин к науке). Дисциплины предлагается рассматривать как более основательные, чем наука в целом, системы знаний, основанные на собственных теоретических и методологических предпосылках, исходя из которых они формируют свой предмет и выстраивают свои границы. Коммуникативный подход, предложенный А.Ю. Антоновским, в этом случае оказывается применим для анализа отдельных научных дисциплин, но не как критерий разделения их на виды.

Определение границ научной области без распространения ее критериев на другие научные сферы возможно с позиции субъекта, находящегося «внутри» той или иной науки. В связи с этим предлагается особую роль в определении границ дисциплины отвести самим исследователям или хорошо погруженным в контекст философам науки. Здесь нам кажется важным указать на право ученых на учет их субъективных представлений о своем предмете и о границах своих дисциплин. В пределе, конечно, мы рискуем попасть в ситуацию, когда чуть ли не у каждого ученого будет своя наука. Однако, по-видимому, такая перспектива пока не просматривается.

Предмет дисциплины также определяется изнутри науки – он не берется из природы, а конструируется как эпистемологический объект, к которому могут быть применены критерии истинности, выработанные в рассматриваемой области. То есть объект науки оказывается обусловлен установками, теориями, методами и границами дисциплины. Но эта обусловленность не может отменить реального существования этого объекта в мире и возможности его познания, хоть и всегда неполной и опосредованной. Этот тезис обосновывается

прагматическими аргументами об эффективности и универсальности результатов, полученных различными науками, а также интуициями самих исследователей. Без базового представления самих ученых о существовании (хотя бы где-то за границами нашего восприятия) реального объекта и хотя бы частичной возможности его исследования любая научная дисциплина теряет смысл.

Список литературы

Антоновский, 2025 – Антоновский А.Ю. Виды природы и коммуникативные измерения дисциплинарной дифференциации // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62. № 1. С. 22–38.

Касавин, 2004 – Касавин И.Т. Философия познания и идея междисциплинарности // Эпистемология и философия науки. 2004. № 2. С. 5–14.

Касавин, 2010 – Касавин И.Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 61–73.

Сахарова, 2024 – Сахарова А.В. Таксономии и научные коммуникации: социокультурный подход к научным классификациям // Философский журнал. 2024. Т. 17. № 4. С. 144–156.

Степин, 2009 – Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 249–295.

Шиповалова, 2011 – Шиповалова Л.В. О философском обосновании наук и научном достоинстве // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. № 3. С. 97–104.

References

Antonovski, A.Yu. “Vidy prirody i kommunikativnye izmereniya distsiplinaroi differentsiatsii” [Types of Nature and Communicative Dimensions of Disciplinary Differentiation], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2025, vol. 62, no. 1, pp. 22–43. (In Russian)

Kasavin, I.T. “Filosofiya poznaniya i ideya mezhdistsiplinarosti” [The Philosophy of Cognition and the Idea of Interdisciplinarity], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2004, no. 2, pp. 5–14. (In Russian)

Kasavin, I.T. “Mezhdistsiplinaroe issledovanie: k ponyatiyu i tipologii” [Interdisciplinary research: towards the concept and typology], *Voprosy filosofii*, 2010, no. 4, pp. 61–73. (In Russian)

Sakharova, A.V. “Taksonomii i nauchnye kommunikatsii: sotsiokul’turnyi podkhod k nauchnym klassifikatsiyam” [Taxonomies and Scientific Communications: A Sociocultural Approach to Scientific Classifications], *Filosofskii zhurnal – Philosophy Journal*, 2024, vol. 17, no. 4, pp. 144–156. (In Russian)

Shipovalova, L.V. “O filosofskom obosnovanii nauk i nauchnom dostoinstve” [On the Philosophical Justification of Sciences and Scientific Dignity], *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*, 2011, no. 3, pp. 97–104. (In Russian)

Stepin, V.S. “Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya” [Classics, Non-classics, Post-non-classics: Criteria of Distinction], *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [Post-non-classics: Philosophy, Science, Culture]. Saint Petersburg: Izdatel'skii dom «Mir», 2009, pp. 249–295. (In Russian)